

Въ сочельникѣ.

РАЗСКАЗЪ.

I.

Въ этотъ день Петръ Павловичъ Роговичъ проснулся очень рано: не было и шести часовъ утра. На дворѣ было почти совсѣмъ темно, но Петру Павловичу не хотѣлось зажигать лампу. Онъ закурилъ сигару и

остался въ постели, чтобы еще часокъ полежать, а въ случаѣ, если бы пришла дрѣма, опять заснуть.

Но на этотъ разъ ему не удалось ни то, ни другое, что было очень досадно, такъ какъ на службу идти не было надобности, да и дома дѣлать было нечего.

Покуривъ нѣсколько времени, Петръ Павловичъ услыхаль, какъ гдѣ-то далеко прогудѣла фабричная труба.

— Тфу ты пропасть, — съ неудовольствіемъ пробормоталъ Роговичъ, — только шесть часовъ, а газету принесутъ не ранѣе половины восьмого. Что же предпринять?.. Развѣ чаю напиться?..

Но Петръ Павловичъ сейчасъ же отвергъ это намѣреніе: ему показалось неловкимъ ради своего каприза будить прислугу, которая и такъ все равно проснется черезъ часъ. Да и вставать еще не хотѣлось. Оставалось, стало-быть, только одно — лежать и думать.

Пришелъ изъ кухни старый котъ Васька, вспрыгнувъ на кровать; Петръ Павловичъ его приласкалъ, послѣ чего Васька улегся поудобнѣе и, предварительно помурлыкавъ, сколько нашель нужнымъ, заснулъ крѣпко.

Котъ Васька лѣтъ пять тому назадъ явился въ эту квартиру, былъ принятъ благосклонно и съ того времени сдѣлался ея постояннымъ жильцомъ, отдавъ себя въ полную собственность Петру Павловичу и его сожителю, старому школьному товарищу Максиму Ивановичу Горленко. Уже въ тѣ дни Васька былъ котомъ далеко не первой молодости, а теперь онъ постарѣлъ окончательно, былъ страшный лѣнтяй и уже давнымъ-давно отказался отъ своей прямой обязанности—ловли мышей.

Вѣроятно, Васька разсуждалъ:

«Для чего мнѣ, такому почтенному коту, напрасно утруждать свое упитанное тѣло и подстергать глупыхъ мышей, когда, во-первыхъ, онѣ вовсе не такъ вкусны, какъ принято думать, во-вторыхъ, нарочито на этотъ случай нашъ просвѣщенный и изобрѣтательный вѣкъ, въ числѣ прочихъ предметовъ, выдумалъ превосходныя машины-мышеловки».

Рѣшивъ, что разсужденіе его вполне правильно, Васька сталъ благодушествовать: онъ ѣлъ за пятерыхъ, спалъ за десятерыхъ и, несмотря на полную свою бесполезность, всѣми любимый и уважаемый, чувствовалъ себя превосходно.

И почему-то на этотъ разъ Петру Павловичу вздумалось сравнить себя ни съ кѣмъ другимъ, а именно съ котомъ Васькой. Петръ Павловичъ, грустно улыбаясь, говорилъ самому себѣ:

— Васька старъ, и я не могу похвалиться молодостью—мнѣ уже сорокъ восемь лѣтъ; Васька ничего не дѣлаетъ, да и я дѣлаю не больше. Положимъ, я служу въ банкѣ, получаю хорошее жалованье, но это по привычкѣ, а не по призванію или необходимости. Служу безъ всякаго усердія, скорѣе для того, чтобы чѣмъ-нибудь наполнить свое время, но особенной пользы моя служба никому не приносить. Въ запасѣ у меня есть кой-какой капиталецъ, даже и не очень маленькій, на черный день всегда съ излишкомъ хватить. А что же еще?.. Ъмъ, сплю и, пожалуй,

читаю газеты. Такъ это бы, вѣроятно, дѣлалъ, и Васька, если бы былъ грамотный...

Конечно, Петръ Павловичъ преувеличивалъ. Прежде всего, онъ былъ человѣкъ очень неглупый и добрый, но, дѣйствительно, всю свою жизнь прожилъ въ свое удовольствіе. Въ юности, будучи студентомъ, и онъ строилъ воздушные замки, потомъ успокоился. Онъ не былъ женатъ, и семейную жизнь помнилъ, какъ нѣчто очень далекое, когда онъ самъ былъ маленькимъ мальчикомъ, когда его родители еще существовали на бѣломъ свѣтѣ.

И вотъ сегодня Петръ Павловичъ почему-то увидѣлъ себя ребенкомъ...

— Не сонъ ли это,—подумалъ старый холостякъ,— нѣтъ, не сонъ... Я, кажется, не сплю.

II.

Хорошо было тогда... Особенно въ такой именно день, какъ сегодня, т. е. двадцать четвертаго декабря. Въ этотъ день семья Роговичей праздновала сочельникъ. Жили они въ большомъ губернскомъ городѣ, на югѣ Россіи. Семья пользовалась хорошимъ матеріальнымъ достаткомъ и сочельникъ справляли по всѣмъ правиламъ, такъ, какъ справляютъ малороссы и поляки. Въ этотъ памятный день, какъ случилось и теперь, Петръ Павловичъ, тогда еще маленькій Петя, просыпался тоже рано и тутъ же бѣжалъ на кухню. Въ кухнѣ уже кипѣла работа: мѣсили тѣсто, чистили рыбу, толкли въ ступкѣ сахаръ, терли миндаль для миндального молока. Всѣ были заняты по горло: и мать, и тетка, и сестра, и кухарка. Даже старуха-няня, вынянчившая еще мать Петра Павловича и теперь жившая въ ихъ семьѣ на покоѣ безъ всякаго опредѣленнаго дѣла, и та была занята.

Понятно, и Петѣ хотѣлось принять участіе въ общихъ хлопотахъ.

— Мама,—начинаетъ онъ приставать къ матери,— дай мнѣ что-нибудь дѣлать. Я хочу помогать.

— Ну, вотъ тебѣ разъ,—шутливо отвѣчаетъ мать,— ты мѣшать будешь.

— Нѣтъ, мама, право не буду. Ты только попробуй, ты дай—и увидишь, какъ я хорошо все сдѣлаю.

И Пегѣ дадутъ-таки въ концѣ концовъ какое-нибудь дѣло: толочь сахаръ, чистить изюмъ. Но, конечно, занятіе не слишкомъ долго забавляетъ мальчугана. Въ самомъ скоромъ времени, сдѣлавъ гораздо меньше, чѣмъ напортивъ, Петя начинаетъ осаждать мать вопросами:

— Мама, борщъ съ грибными-ушками будетъ?

— Будетъ, будетъ,—отвѣчаетъ мать.

— А пироги?

— И пироги будутъ.

— А фаршированная щука?

— Конечно, конечно. Только не мѣшай, Петруся.

Но любопытство мальчика удовлетворено не вполне; черезъ минуту онъ снова начинаетъ обстоятельный допросъ:

— А караси будутъ?

— Да.

— А судакъ разварной?

— И судакъ...

— А кутя?

— О, Петруся, какъ ты надоѣдаешь! Конечно, будетъ...

Вѣдь безъ куты нельзя.

— Рисовая?

— Да, да.

— И пшеничная?

— Ну, конечно.

— Съ медомъ?

— Господи!.. Какой ты несносный. Будетъ и съ медомъ.

— И коржики будутъ? — продолжаетъ доносить мальчикъ.

Узнавъ, что будутъ и коржи, онъ все-таки не вполне удовлетворяется. Есть еще одна очень вкусная вещь, безъ которой, по его искреннему убѣжденію, сочельникъ не полонъ.

— Мама, а взваръ будетъ?..

Взваръ дѣлаетъ свое дѣло... Петя успѣваетъ настолько надоѣсть, что его въ концѣ концовъ торжественно изгоняютъ. Но изгнанникъ, уже на порогъ кухни, успѣваетъ спросить:

— А елка будетъ?

Отвѣта на этотъ вопросъ онъ не получаетъ: двери кухни безжалостно захлопываютъ, и Петя слышитъ, какъ шелкаетъ запоръ.

Тогда, чтобы доподлинно узнать относительно елки, Петя отправляется на развѣдки къ отцу, но отецъ ничего утвердительнаго на этотъ счетъ не сообщаетъ. Между тѣмъ зала заперта на ключъ... стало-быть, что-нибудь будетъ. Тщетно смотритъ мальчикъ въ замочную щелку, — ничего не видно. Тогда онъ спѣшитъ на дворъ, чтобы поглядѣть въ окна. Увы! окна задернуты темными занавѣсками. Петя снова возвращается въ комнаты, но отецъ уже въ залѣ, и зала заперта. Что тамъ дѣлается? Конечно, отецъ украшаетъ елку, иначе и быть не можетъ, ибо что другое можно дѣлать въ сочельникъ, да притомъ въ залѣ. Но Петя все-таки сомнѣвается: а вдругъ нѣтъ! Онъ начинаетъ правильную осаду залы.

— Папа, а папа... мнѣ можно къ тебѣ?

— Нѣтъ, нельзя, — отвѣчаетъ тихій голосъ отца.

— Почему?

— Я занятъ.

— Чѣмъ?

— А ужъ это мое дѣло.

— Елку готовишь?

— Не знаю... уходи.

Отецъ находится въ неприступной крѣпости, и Петѣ остается только почетно отступить. Онъ и дѣлаетъ это, заявляя отцу:

— Не хочешь сказать, и не надо... ничуть не интересно.

— Ладно, ладно. Уходи,—отзывается отецъ, и въ голосъ его слышится сдержанный смѣхъ.

Мальчикъ удаляется. Онъ вполне увѣренъ въ томъ, что елка непременно будетъ, хотя все-таки легкое сомнѣніе остается въ его душѣ.

Но что дѣлать? День дологъ и раньше первой звѣзды, по старинному обычаю, за столъ не сядутъ. Надо чѣмъ-нибудь наполнить время. Бѣда вотъ только въ томъ, что кромѣ одного чая ничего не дадутъ вплоть до вечера. А время убить необходимо. Петя предоставленъ самому себѣ. Онъ убѣгаетъ на дворъ, лѣпитъ тамъ снѣговую бабу. Потомъ возвращается въ комнаты и пробуетъ читать. Конечно, что-нибудь такое, что сплошь наполнено путешествіями, сопряженными съ невѣроятными приключеніями и страшными опасностями. Чтенія хватаетъ часа на три. Тогда Петя опять пробуетъ пробраться въ кѹхню, но на сей разъ безъ всякаго успѣха,—его не пускаютъ даже на ту «одну минуточку», о которой онъ хлопочетъ. Можетъ быть, теперь можно къ отцу въ залу?.. Но и тутъ дѣло плохо: отецъ уже у себя въ кабинетѣ, и на этотъ разъ Петя собственными глазами видитъ, что онъ занятъ письменной работой.

Петя рѣшаетъ, что самое лучшее, что теперь можно сдѣлать,—отправиться, по образцу героя только-что прочитаннаго романа, въ путешествіе. Онъ зоветъ съ собой Султана, громаднаго двороваго пса, и направляется въ садъ. Садъ большой, снѣгъ тамъ очень глубокій, такъ что путешествіе довольно интересно, а что касается охоты, то она почти что кончается удачей: еще бы немного, и Султанъ могъ поймать галку. Петя не во время командовалъ ему—«пиль», и потому птица успѣла благополучно улепетнуть.

Но все имѣетъ свой конецъ. Проходитъ и долгій, томительно-долгій день. Начинаетъ смеркаться. Петя еще въ достаточной степени успѣваетъ надѣсть всѣмъ вмѣстѣ и

каждому порознь, но неожиданно для себя становится важнымъ челоѡкомъ, которому поручаютъ отвѣтственную обязанность. Къ обѣду уже все готово, и Петѣ предлагаютъ слѣдить за появленіемъ первой звѣзды.

Такое назначеніе ему по душѣ. Онъ становится у окошка и начинаетъ напряженно вглядываться въ быстро темнѣющее небо.

Кажется, что-то тамъ такое мелькнуло? Волненіе охватываетъ мальчика. Да, это она,—первая звѣздочка. Кажется, такъ? Конечно, она... никакая другая не можетъ горѣть такъ кротко, такъ радостно. То звѣзда Виолемская!..

— Мама! Папа!.. Пора, пора... вотъ она первая звѣзда,—смотрите!

III.

Петръ Павловичъ окончательно приходитъ въ себя.

Гдѣ это милое, жизнерадостное дѣтство? Тамъ, далеко позади, за цѣлымъ рядомъ лѣтъ. И хорошо же было въ сочельникъ. А послѣ торжественнаго обѣда неизмѣнная ёлка, и въ числѣ гостей семья Горленко, съ младшимъ сыномъ которыхъ, Максей, Петръ Павловичъ былъ тогда, да и на всю жизнь свою остался, лучшимъ другомъ.

Онъ и теперь обиталъ съ нимъ на одной квартирѣ, но только въ эти дни Максима Ивановича не было дома. Онъ вернется только сегодня къ вечеру, такъ какъ по долгу службы уѣхалъ на нѣсколько дней. Горленко—инженеръ, ему необходимо было отправиться на осмотръ железнодорожнаго участка, гдѣ случилось поврежденіе пути.

Горленко далеко не такой благополучный челоѡкъ, какъ Роговичъ. Были дни, правда давно уже, болѣе десяти лѣтъ тому назадъ, когда Максимъ Ивановичъ не былъ одинокимъ, у него была жена, былъ сынъ. Они умерли почти одновременно. Фотографическія карточки бѣлокурой женщины и хорошенькаго мальчика составляютъ драгоцѣннѣйшее украшеніе кабинета Максима Ивановича и по сей день.

Когда Горленко былъ семейнымъ человѣкомъ, то, по малорусскому обычаю, всегда справлялъ сочельникъ, и Петръ Павловичъ былъ неизмѣннымъ его гостемъ въ этотъ день.

Послѣ смерти жены и ребенка Максимъ Ивановичъ поселился съ Роговичемъ на одной квартирѣ, и вотъ уже десять съ лишнимъ лѣтъ они живутъ вмѣстѣ, при чемъ жизнь ихъ далеко не отличается веселымъ характеромъ. Горленко всегда сосредоточенъ и задумчивъ, онъ усиленно, гораздо больше, чѣмъ отъ него могли бы требовать по службѣ, занять дѣломъ, стараясь по возможности и за другихъ работать. Это совсѣмъ не то, что Петръ Павловичъ, который служить спустя рукава, лишь бы только было куда ходить, да кое-какъ коротать скучное время.

Роговичъ хорошо знаетъ, что именно удручаетъ его давняго друга, но, не желая тревожить и берeditъ старыя раны, никогда по этому поводу съ нимъ не разговариваетъ.

И вотъ, почему-то какъ разъ сегодня, сердце Петра Павловича мучительно забилося воспоминаніемъ о давно-прошломъ. Ему стало жалко своего тихаго дѣтства, а еще того болѣе жаль своего бѣднаго друга. У Петра Павловича были только дѣтство и юность; у Максима Ивановича—многое другое...

Роговичу захотѣлось хоть чѣмъ-нибудь отличить день случайныхъ воспоминаній отъ прочихъ однотонныхъ дней своего существованія... Ему захотѣлось отпраздновать этотъ день.

Петръ Павловичъ поглядѣлъ на часы. Они показывали половину восьмого. Почти какъ разъ въ это время на кухнѣ пробудилась кухарка. Петръ Павловичъ слыхалъ, какъ она принялась возиться съ самоваромъ и посудой.

Кухарка Антонина, пожилая полька, служила у Роговича и Горленко около трехъ лѣтъ. Работы было не слишкомъ много, и она вмѣстѣ съ тѣмъ смотрѣла за немногосложнымъ хозяйствомъ пріятелей. Весь домъ былъ на ея рукахъ.

Она была и экономкой, и единственной прислугой. Въ домѣ она распоряжалась, почти какъ хозяйка.

Надо отдать ей справедливость: какъ истая полька, она была превосходной поварихой и въ совершенствѣ знала свое мастерство. Хозяева дома никогда не вмѣшивались въ ея область и никогда сами не заказывали обѣда, да въ томъ и надобности не бывало: они выдавали Антонинѣ или, какъ они ее шутя, зная слабую струнку поляковъ, именовали, «пани Антонинѣ», нужную сумму денегъ, и та настолько умѣло разнообразила столъ и готовила кушанья такъ вкусно, что какія-либо неудовольствія въ данномъ случаѣ были положительно немислимы.

Наканунѣ описываемаго дня Антонина, какъ всегда, получила обѣденныя деньги, а потому немало изумилась, когда Петръ Павловичъ, которому она подала въ столовую самоваръ, обратился къ ней съ такими словами:

— А что, пани Антонина, чѣмъ вы намѣрены насъ сегодня накормить?

Пани Антонина даже обидѣлась...

— Прошу пана не беспокоиться (Антонина недурно говорила по-русски, но съ польскимъ акцентомъ и нѣкоторыми польскими оборотами рѣчи), все будетъ хорошо. Панъ Роговичъ и панъ Горленко останутся довольны.

— Да я не о томъ, пани Антонина. Я знаю, что вы, по обыкновенію, не ударите въ грязь лицомъ, но сегодня не такой день, какъ всегда, и мнѣ бы хотѣлось имѣть настоящій сочельникъ.

— Сочельникъ?

— Именно. Умѣете ли вы все это сдѣлать, какъ надо? Лицо пани Антонины разомъ приняло озабоченный видъ.

— А... то такъ бы давно панъ сказалъ... Такъ оно всегда слѣдуетъ во всякомъ христіанскомъ домѣ.

Послѣднюю фразу она сказала наставительнымъ тономъ.

— Вы, вѣроятно, умѣете дѣлать кутью?—спросилъ Петръ Павловичъ.

Антонина презрительно усмѣхнулась. Развѣ можно задавать ей такіе пустые вопросы.

— Я все знаю, что въ такой день ѣдятъ добрые люди... Можетъ, панъ хочетъ фаршированной щуки; можетъ, панъ хочетъ...

Но Петръ Павловичъ перебилъ ее.

— Вотъ что, пани Антонина, дѣлайте вы все, что хотите и что найдете нужнымъ. Чѣмъ больше, тѣмъ лучше. Мнѣ этого сегодня очень хочется. Максимъ Ивановичъ будетъ къ вечеру, и мнѣ желательно угостить его на славу. Денегъ не жалѣйте, берите, сколько хотите. А чтобы успѣшнѣе все шло, поѣзжайте на рынокъ на извозчикѣ. Пожалуйста, пани Антонина...

Когда совѣщаніе было окончено, Антонина, заявивъ, чтобы Петръ Павловичъ не беспокоился и занялся чаемъ уже самъ, такъ какъ ей теперь «такими пустяками заниматься некогда», поворчавъ, что о столь важномъ дѣлѣ слѣдовало бы подумать раньше, и даже усомнившись въ томъ, что она, пожалуй, «со всѣмъ такимъ не управится до первой звѣзды», немедленно удалилась за покупкою необходимыхъ припасовъ.

Черезъ какой-нибудь часъ она возвратилась нагруженная огромнымъ количествомъ всевозможныхъ продуктовъ, а черезъ десять минутъ послѣ того на кухнѣ кипѣла дѣятельная работа. Можно было залюбоваться, съ какимъ проворствомъ распорядилась въ своемъ кухонномъ царствѣ эта далеко уже не первой молодости женщина.

Но не дремалъ и Петръ Павловичъ.

— Дѣлать, такъ ужъ по всѣмъ правиламъ,—думалъ онъ:—надо и елку устроить.

И, дѣйствительно, напившись чаю и одѣвшись, онъ уѣхалъ въ городъ. Тамъ онъ пробылъ часа три, а когда Антонина отперла ему двери, увидѣла, что Роговичъ возвратился на двухъ извозчикахъ, что въ саняхъ масса свертковъ, и что кромѣ Петра Павловича пріѣхалъ какой-то

человѣкъ, старательно поддерживающій довольно большую елку, то ея удовольствію конца не было...

— Что это случилось съ паномъ,—радостно восклицала старая полька,—панъ серьезно хочетъ провести день похристіански!

А Петръ Павловичъ и самъ былъ увлеченъ своей загѣей. И на душѣ его было какъ-то весело, хорошо, празднично. Такъ давно уже не бывало.

— Мы, пани Антонина, сегодня отпразднуемъ во всей формѣ. Ужъ коли сочельникъ, то и елка,—оживленно толковаль старый холостякъ, снимая шубу.

— А развѣ гости будутъ?—спросила Антонина.

— Нѣтъ, почему же вы такъ думаете?—обратился къ ней Роговичъ.

— А то какъ же... вѣдь елка.

— Нѣтъ, пани Антонина, мы сами повеселимся.

— А я мыслила, что когда есть елка, то ужъ и безъ дѣтей не обойдется: то ихъ праздникъ.

И съ этими словами Антонина торопливо ушла на кухню, гдѣ предстояла еще цѣлая масса хлопотъ. Но брошенные вскользь, безъ всякой задней мысли, слова больно отозвались въ сердцѣ Роговича.

— Дѣти?.. у меня ихъ не было, а у Горленко... лучше и не вспоминать.

И ему опять сдѣлалось грустно.

Но когда онъ сталъ украшать елку, то въ скоромъ времени такъ увлекся работой, что позабылъ неприятное чувство, вызванное простодушнымъ замѣчаніемъ пани Антонины.

IV.

Максимъ Ивановичъ возвратился домой изъ своей командировки къ шести часамъ вечера.

— Страшно голодень, какъ волкъ,—говорилъ онъ, дружески пожимая руку стараго пріятеля.

— А я тебя поджидалъ, — отвѣчалъ ему Петръ Павловичъ, — знаешь, въ такой день хотѣлось непременно вмѣстѣ пообѣдать.

— Какой день?..

— Да вѣдь сегодня сочельникъ.

— А!.. Я, признаться, за хлопотами позабылъ. Спасибо, что ждалъ. Сейчасъ... Я только переодѣнусь.

И Горленко пошелъ къ себѣ въ кабинетъ, наскоро умылся, переодѣлся и черезъ нѣсколько минутъ былъ уже въ столовой.

— Ба! сегодня ты что-то раскутился, — грустно улыбаясь, сказалъ онъ Роговичу, когда увидѣлъ на столѣ разныя закуски и вина.

— Да такъ, знаешь, пришло на умъ.

Они выпили по рюмкѣ водки, закусили.

— Пани Антонина, можно подавать, — громко командовалъ Петръ Павловичъ.

Вошла Антонина съ миской дымящагося борща. Лицо ея было торжественно, сама она нарядилась по-праздничному.

— Вотъ это хорошо, — сказалъ Максимъ Ивановичъ, — пани Антонина сдѣлала сегодня одно изъ самыхъ любимыхъ моихъ кушаній. Страшно люблю такой борщъ и давненько ужъ его не пробовалъ.

А пани Антонина лукаво улыбалась.

Кушанья слѣдовали одно за другимъ. Только къ концу обѣда Максимъ Ивановичъ понялъ, что подборъ блюдъ не случайный, что ему сегодня сдѣлали что-то въ родѣ сюрприза, что устроенъ настоящій сочельникъ.

— Спасибо, спасибо, пани Антонина, — привѣтливо говорилъ онъ старой полькѣ, — и какъ это въ голову вамъ пришло?

— Да то не я, — скромно отозвалась пани Антонина, — то панъ Роговичъ намыслилъ, да и давно бы такъ слѣдовало въ добромъ христіанскомъ домѣ. Такъ ужъ Панъ-

Богъ любить, чтобы въ этотъ вечеръ люди покушали, что полагается.

Максимъ Ивановичъ вопросительно поглядѣлъ на Петра Павловича. Тотъ не выдержалъ взгляда пріятеля и уткнулся въ тарелку.

— Такъ это ты для меня постарался, старый другъ,— задумчиво сказалъ инженеръ, — спасибо, отъ всей души спасибо!..

— Ну-съ, теперь можно и покурить, — весело заговорилъ Петръ Павловичъ по окончаніи обѣда, — я, знаешь ли, купилъ превосходныхъ сигаръ... Мы сейчасъ попробуемъ. Погоди чуточку... я принесу... онѣ у меня въ комнатѣ.

Но онъ пошелъ не къ себѣ въ кабинетъ, а въ залу, гдѣ быстро зажегъ елку.

— Максимъ Ивановичъ, а Максимъ Ивановичъ, пойдика сюда,—раздался его голосъ:—я тебѣ кое-что тутъ могу показать.

Горленко пошелъ на его зовъ и съ изумленіемъ остановился у дверей залы. Зала была ярко освѣщена, посрединѣ сіяла огнями хорошенькая елочка.

— Что же это все значитъ, дружище?—спросилъ онъ у радостно улыбающагося Роговича.

— Да такъ, братъ, просто вздумалось стариной трянуть,—отвѣтилъ тотъ,—ну вотъ, и побаловался.

Максимъ Ивановичъ еще разъ пожалъ руку пріятеля и молча сѣлъ на стулъ, сталъ глядѣть на елку. Различныя чувства волновали его: ему было невыразимо грустно, но все-таки хорошо...

— Эхъ, вотъ бы они посмотрѣли!—прошепталъ онъ. Петръ Павловичъ понялъ, кто «они».

— Не грусти, пріятель,—тихо промолвилъ онъ, положивъ руку на плечо друга,—все пройдетъ. И мы не малы, и нашего вѣку не много осталось... А тамъ всѣ свидимся.

— Панъ Роговичъ, а панъ Роговичъ!..

Петръ Павловичъ оглянулся. Въ дверяхъ стояла Антонина и дѣлала ему какіе-то таинственные знаки.

— Что вамъ, пани Антонина?—спросилъ онъ.

— Имѣю сказать пану пару словъ,—загадочно произнесла старая полька.

Петръ Павловичъ подошелъ къ ней.

— Вотъ что, панъ Роговичъ,—стала шептать ему на ухо Антонина,—нельзя же такъ, чтобы такая славная елка пропала даромъ... Надо бы дѣтей пригласить... Тутъ вѣдь и конфеты, и орѣхи, и яблоки, и померанцы, и все другое... Вѣдь панъ Роговичъ и панъ Горленко за мѣсяцъ не съѣдятъ всего...

— Ничего не понимаю, пани Антонина, откуда же мы возьмемъ дѣтей?—недоумѣвалъ Петръ Павловичъ.

— Какъ не быть дѣтямъ? Дѣти вездѣ есть, искать не долго. Вотъ у дворника Никиты есть дѣти... Пусть хлопчики позабавятся, и Пану-Богу то будетъ радостно.

— А вѣдь это мысль... валяйте, пани Антонина, зовите сюда вашихъ ребятъ, пусть ребятишки побалуются,—весело согласился съ ней Роговичъ.

Въ скоромъ времени Антонина появилась въ сопровожденіи дѣвочки и двухъ мальчугановъ, изъ коихъ младшему было не болѣе шести лѣтъ. Сначала дѣти боязливо жались къ стѣнѣ и робко смотрѣли на елку. Но постепенно освоились и, увидѣвъ потомъ, что господа вовсе не изъ страшныхъ, стали смѣлѣе, а потомъ и совсѣмъ разошлись. Имъ наложили по большому свертку всякихъ сластей...

А дворникъ Никита съ женой стояли у дверей залы. Дворникъ шутливо говорилъ:

— Вотъ вѣдь господа чего-чего не выдумаютъ. Экое задумали. Ну, ужъ и спасибо... знатно ребятишки повеселятся, долго этого не забудутъ. А ужъ вы, Петръ Павловичъ, либо вы, Максимъ Ивановичъ, коли что нужно... только прикажите... живымъ манеромъ услужу...

— А сколько лѣтъ твоимъ ребятамъ?—спросилъ Роговичъ дворника.

— Дѣвчонкѣ десятый, мальчонку восьмой... А этому махонькому шестой, да только онъ не мой.

— Какъ не твой?

— Племянникъ онъ мнѣ, сестры сынъ, сирота. Мать-то померла недавно, а отца-то почитай уже года три въ живыхъ нѣтъ. Не пропадать то же мальцу, то же вѣдь племянникъ приходится. Ну, и взялъ его къ себѣ. Оно, конечно, трудно справиться,—какіе у насъ заработки,—да ничего, не объѣсть... каша да щи, слава тебѣ, Господи, какъ и у другихъ есть. Никакъ нельзя сироту безъ призора оставить. Опять и мальчишка добрый, да шустрый. Подрастетъ—я его къ дѣлу приспособлю. У меня кумъ сапожникъ, такъ ему въ науку и отдамъ. Произойдетъ какое ни на есть мастерство, свой хлѣбъ ѣсть станетъ...

V.

Послѣ того, какъ елка погасла, и дѣти дворника, вдоволь натѣшившись, удалились, пріятели пошли каждый въ свою комнату. Максимъ Ивановичъ усталъ съ дороги и хотѣлъ раньше лечь спать. Но онъ еще не успѣлъ раздѣться, какъ къ нему вошелъ Петръ Павловичъ.

— Извини, что побезпокоилъ,—сказалъ онъ,—только мнѣ взбрела на умъ одна мысль. Ты послушай меня.

— Говори, дружище, говори...

— Видишь ли, въ чемъ дѣло...

Петръ Павловичъ началъ какъ-то неловко, словно конфузясь своихъ словъ.

— Мы теперь съ тобой люди одинокіе... Денегъ у насъ достаточно... А что мы дѣлаемъ?.. Да такъ, ничего въ сущности. Ну, ты вѣдь когда-то имѣлъ семью, а я... я всегда былъ бобылемъ... Вотъ и взбрело мнѣ на умъ... Этотъ мальчикъ у Никиты, племянникъ его... Въ самомъ дѣлѣ Никитѣ-то не легко... А мальчикъ такой худенькій,

да блѣдный: Куда тамъ ему въ сапожники идти, да и хорошо ли тамъ ему будетъ. Давай-ка, возьмемъ его къ себѣ... Вотъ у насъ съ тобой и будетъ сынъ... Одинъ сынъ, два отца... Ну, да мы изъ-за него не поссоримся.

Максимъ Ивановичъ слушалъ своего пріятеля, широко раскрывъ глаза. Когда тотъ кончилъ, онъ быстро поднялся и сказалъ, глядя то на Роговича, то на портреты жены и сына:

— Благодарю за мысль... Мнѣ ничего такого не приходило въ голову, а между тѣмъ это такъ просто и ясно... Въ этомъ отношеніи ты счастливѣе меня, тебѣ пришло на умъ честное дѣло. Я согласенъ съ твоимъ предложеніемъ... Они тамъ будутъ довольны...

Онъ опять посмотрѣлъ на портреты, потомъ порывисто обнялъ и поцѣловалъ Роговича... и противъ воли заплакалъ...

.....

Остается сказать только нѣсколько словъ о томъ, какъ кончился этотъ случайный сочельникъ.

Никита съ благодарностью принялъ предложеніе нашихъ пріятелей. Въ скоромъ времени въ квартирѣ, занимаемой Роговичемъ и Горленко, появился бѣлокурый мальчуганъ, который послѣ того, какъ пересталъ дичиться и привыкъ къ новому положенію, оказался пребойкимъ, очень веселымъ и умнымъ мальчикомъ.

И, пожалуй, не меньше, если не больше старыхъ друзей, была довольна пани Антонина. Она частенько говоритъ:

— Вотъ что значитъ по-христіански встрѣтить великій день. Доброе дѣло само въ руки просится.

А маленькій Вася очень любитъ почтенную женщину, хоть она постоянно ворчитъ на него за проказы...

Котъ Васька тоже состоитъ со своимъ тезкой въ пріятельскихъ отношеніяхъ.

Л. М—въ.

